В. Ф. БЕРКОВ

АРГУМЕНТАЦИЯ И ВОПРОС

Задача данной статьи — рассмотреть малоизученную проблему соотношения аргументации и вопроса в логико-коммуникативном плане. Обоснование необходимости такого рассмотрения будет дано по ходу изложения. Сначала остановимся на понятии аргументации. В последнее время термин «аргументация» становится весьма популярным. Говорят о необходимости более корректной и эффективной аргументации в науке и пропаганде, при ведении дискуссий, выработке убеждений, в юридической, педагогической практике и т. д. И это не случайно. Веской причиной возрастающего интереса к аргументационным процессам является освобождение от субъективизма в самых разнообразных областях нашей жизни.

История учит, что непомерно широкое использование термина грозит опасностью его девальвации, и действенным средством от этой болезни может стать вовремя проведенный логико-методологический анализ. Для аргументации не может быть исключения из общего правила. Дело усугубляется отсутствием единства при истолковании и употреблении данного термина в современной литературе. Поэтому уточним, что следует понимать под аргументацией.

Иногда аргументация отождествляется с доказательством. Ее определяют как логический процесс, в ходе которого истинность какого-то положения выводится из истинности аргументов [1]. В других случаях термину «аргументация» придается более широкое значение, и в объем понятия аргументации, наряду с доказательством, включают другие виды обоснования, различая, вследствие этого, доказательственную и недоказательственную аргументацию. Соответственно квалифицируются и ошибки в аргументации. В частности, использование не полностью обоснованного аргумента является ошибкой в доказательстве и не является ошибкой в недоказательственной аргументации, использование же явно ложного аргумента делает ошибочной любую аргументацию, а использование недемонстративного рассуждения может быть ошибкой в доказательстве и допустимым способом рассуждения в недоказательственной аргументации [2].

Такие рассуждения наводят на мысль о том, что более правомерным было бы отождествление аргументации не с доказательством, а с обоснованием, имея в виду тот факт, что последнее охватывает весьма широкий круг построений не только дедуктивного характера. Их общим свойством является наличие множеств аргументов и тезиса, согласованных между собой таким образом, что первое выступает предпосылкой и опорой (нередко мнимой и ненадежной) второго.

Однако против такого понимания восстает, по крайней мере, одно существенное обстоятельство, выявившееся в ходе развития символической логики, становления и совершенствования логических формализмов. Замечено, что сложные знаковые конструкции, последовательности абстрактных формул, используемые в символической логике в качестве заменителей человеческих рассуждений, могут быть понятыми и выполняющими свою коммуникативную функцию лишь для весьма узкого круга специалистов, но в целом же не способны служить эффективным средством «при-

ведения неочевидного к очевидному» [3]. Они не учитывают специфику функционирования знаний в различных социально-информационных системах, игнорируют суггестивные моменты процесса трансляции мыслей и т. д. Поэтому возникла потребность в выходе за рамки формальных теорий рассуждений, в выделении и построении теории, более конкретной по отношению к науке и практике, приближенной к удовлетворению живого, нерафинированного мышления и общения. Именно таковой стала бурно развивающаяся в настоящее время теория аргументации — коммуникативного процесса, служащего обоснованию точки зрения одного человека с целью ее понимания и (или) принятия другим человеком. Выходя за рамки чисто логических теорий рассуждений, но не отрываясь от них, теория аргументации выступает таким образом составной частью теории коммуникации. И если теперь поставить вопрос о соотношении аргументации и обоснования, то его решение следует искать не на пути отождествления или различения объема этих понятий, а на пути разведения по двум линиям — коммуникативно-языковой и логической: подобно тому как слово фиксирует, выражает и сообщает другому человеку понятие, а предложение — суждение, аргументация является непосредственной действительностью обоснования (доказательства, подтверждения, объяснения, оправдания, интерпретации и т. д.).

Аргументация — лишь некоторый момент коммуникативного процесса, и чтобы действительно знать, что она собой представляет, необходимо рассматривать ее не саму по себе, а в соответствии с диалектико-логическими принципами развития и всесторонности — в органической связи с другими моментами этого процесса. Представляется, что среди многообразия отношений, в которые вступает аргументация как особая логико-языковая структура, на одно из первых мест следует поставить ее связь с вопросом.

В исследованиях по теории аргументации эта связь незаслуженно обходится. Видимо, это не случайно. В рамках господствующей до сих пор пропозициональной логики, на которую методологически сориентировано большинство исследователей в этой области, иной путь является попросту невозможным, ибо здесь для вопроса нет места. Однако возникающая на этой основе теория аргументации теряет нечто весьма существенное, подобно тому как страдает ограниченностью теория мышления вообще, принимая в расчет лишь его утвердительные аспекты.

На заре современного естествознания Ф. Бэкон был, пожалуй, первым, кто предпринял практические шаги, чтобы освободить учение о мышлении от указанного недостатка, хотя вопрос о вопросе как необходимом элементе в структуре развивающегося знания в наиболее явной форме в новое время впервые ставит Р. Декарт. Однако попытки Ф. Бэкона и Р. Декарта не оказали серьезного влияния на генеральную линию развития логики, и лишь в наши дни их идеи приобретают «второе дыхание».

Уместно вспомнить о проекте Р. Коллингвуда, в соответствии с которым на смену пропозициональной должна прийти логика интеррогативная, в которой подлинной «единицей мысли» выступит комплекс вопроса и ответа. «Свод знаний, — писал Р. Коллингвуд, — состоит не из «предложений», «высказываний», «суждений» или других актов утвердительного мышления... и того, что ими утверждается... Знание состоит из всего этого, вместе взятого, и вопросов, на которые оно дает ответы. Логика же, обращающая внимание только на ответы и пренебрегающая вопросами, — ложная логика» [4].

Мысль Р. Коллингвуда как бы продолжается М. М. Бахтиным, вскрывающим в вопросо-ответном отношении новые грани. Особенно ценной представляется его идея о природе и характере смысла, который, как проницательно замечает М. М. Бахтин, приобретается высказыванием лишь при сопоставлении с некоторым вопросом. «Смыслами, — пишет он, — я называю ответы на вопросы. То, что ни на что не отвечает, лишено для нас смысла» [5].

Важнейшими категориями интеррогативной логики являются понятия вопроса, ответа и предпосылки вопроса. Вопрос есть обращение, требующее выбора одного или более высказываний из множества, удовлетворяющего условиям, которые сообщаются самим вопросом. Это высказывание (высказывания) называется ответом. Ответ является прямым, если и только если он строится в соответствии со схемой построения вопроса. В противном случае он является косвенным.

Полный ответ допустимо определить как высказывание, из которого следует хотя бы один прямой ответ, а частичный — высказывание, не эквивалентное прямому ответу, но логически вытекающее из него на основе принятых положений. Исчерпывающий ответ определяется тогда как полный истинный ответ. Совокупность прямых, полных и частичных (т. е. прямых и косвенных) ответов образует класс допустимых ответов на вопрос. Недопустимые ответы образуют дополнение к этому классу.

Особую роль играют предпосылки вопроса — совокупность знаний и представлений, на которых вопрос возникает и которые предопределяют его разрешение. Выделяют прежде всего позитивную и негативную предпосылки. Позитивная предпосылка — это высказывание, в котором констатируется, что, по крайней мере, один прямой ответ на вопрос является истинным. Негативная предпосылка констатирует, что, по крайней мере, один из прямых ответов не является истинным. Истинность предпосылок является достаточным условием правильной постановки вопроса. Неистинность предпосылок может привести к неправильной постановке вопроса, который, следовательно, должен быть отвергнут.

Можно выделить также первичные и вторичные предпосылки. Вторичной называется предпосылка, следующая из других предпосылок вопроса (но не наоборот). Первичной называется предпосылка, не являющаяся вторичной. Анализ вторичных предпосылок показывает, что они, сообщая нечто об объективном положении дел, постулируют вместе с тем существование тех или иных объектов и наиболее общие отношения между ними (онтологические допущения).

Теперь перейдем к установлению связи между понятиями интеррогативной логики и логической теории аргументации. В логической теории аргументации основополагающими являются понятия тезиса (положение, которое требуется аргументировать), довода (положение, с помощью которого аргументируется тезис) и демонстрации (логическая связь тезиса с доводами). С коммуникативной точки зрения аргументация невозможна без аргументатора и адресата и представляет собой фрагмент диалога между ними. В этом фрагменте преобладает однонаправленность сообщения — от аргументатора к адресату. При этом первый не просто информирует другого. Он побуждает его понять и, возможно, принять те или иные положения.

Успех аргументатора зависит от многих обстоятельств — не только от внутреннего совершенства аргументации, убежденности аргументатора в истинности своих высказываний. Важнейшее значение имеют установки, предпочтения, мнения, убеждения адресата, совокупность которых можно было бы назвать его коммуникативно-эпистемическим полем. Его игнорирование может обречь на неудачу любую, даже самую безупречную, с точки зрения логики, аргументацию. Поэтому аргументационный процесс не есть пассивное восприятие и усвоение адресатом высказываний аргументатора. Реакция адресата нередко непредсказуема.

В структуре коммуникативно-эпистемического поля адресата центральное место принадлежит вопросам. Если допустить, что коммуникативно-эпистемическое поле представляет некоторую систему, то вопросы есть то, что обеспечивает разомкнутость этой системы, ее обращенность к внешнему миру и контакт с ним. Система самоорганизуется и «живет» в этом мире благодаря своей способности ставить разумные вопросы. В свою очередь, эффективность аргументации всецело зависит от ее способности поставлять ответы на вопросы системы. Аргументация «бьет» мимо цели и теряет смысл, если не отвечает на вопросы системы.

Механизм связи аргументатора и адресата становится более отчетливым, если понятия теории аргументации проинтерпретировать в понятиях интеррогативной логики. Сделать это нетрудно. В самом деле, тезис аргументатора есть не что иное, как прямой ответ на вопрос адресата. Найти подходящий довод для тезиса — это значит дать либо полный, либо частичный ответ на вопрос адресата. Подходящий довод является достаточным тогда и только тогда, когда он есть одновременно исчерпывающий ответ на соответствующий вопрос. С этой точки зрения, такие эристические приемы, как «довод к личности», «довод к публике», «довод к авторитету», сообщая подходящие доводы, не могут обеспечить достаточными аргументами, однако, будучи дизъюнктивно присоединенными к процессу аргументации, усиливают ее убеждающий эффект.

Аргументация невозможна без взаимопонимания между аргументатором и адресатом. Точно так же взаимопонимание требует аргументации. Можно

сказать, что установление взаимопонимания — ее первейшая функция. В исследованиях по теории аргументации эта функция обычно обходится стороной. Обращается внимание прежде всего на то, что в процессе аргументации формируются убеждения. Однако в ряде случаев (например, при разъяснении) аргументация не преследует этой цели.

Чтобы адресат понял аргументатора, достаточно (но не необходимо) тезису и доводам быть допустимыми ответами на вопрос адресата. Следовательно, если адресат не понимает аргументатора, то таковыми тезис и доводы не являются. При этом не имеет значения истинность тезиса и доводов, как и правильность предшествующих аргументации вопросов. Важно, чтобы между высказываниями аргументатора и предпосылками вопроса адресата была необходимая связь, в частности, чтобы из прямого ответа, или тезиса, логически следовала позитивная, а из его отрицания, или антитезиса, — негативная предпосылка вопроса, либо высказывания аргументатора противоречили предпосылкам вопроса.

Если адресат не в состоянии понять высказывания аргументатора, то он не может также и принять их, хотя не все понятое принимается. Принятие понятого во многом зависит от того, в какой мере оно подтверждается доводами, которые приняты за истинные. При этом решающая роль принадлежит нормам принятия, которые, как правило, различны в различных социокультурных условиях.

В научных сообществах, например, высказывание, несущее новое знание, принимается, если оно логически вытекает из высказываний, уже принятых за истинные, при условии, однако, что оно прямо или косвенно включается в коммуникативно-эпистемическое поле сообщества. Если же данное условие не выполняется, то имеет место сопротивление сообщества новой идее, даже если она хорошо аргументирована объективными данными. При этом исключительно важная роль принадлежит вторичным предпосылкам вопросов, аккумулирующим в себе знания и представления мировоззренческого, ценностного, методологического характера.

Вопрос с верной предпосылкой не может оказать отрицательного влияния на достижение истины при аргументации, за исключением, быть может, случаев, когда его содержание догматизируется, а значение (роль) абсолютизируется. Напротив, он способствует движению от знания ограниченного, неопределенного, приблизительного к более глубокому, точному, всеобщему. Вместе с тем вопрос с ложной предпосылкой не ведет автоматически к заблуждению, хотя и может направить процесс аргументации по ложному пути. Известно немало случаев, когда объективно истинные результаты были получены при ложных мировоззренческих установках, консервативных общественных идеалах и т. д. Такого рода факты пока не нашли обстоятельного анализа и достаточно убедительного объяснения в философско-методологической литературе.

Примечательным свойством отличаются открытые вопросы, которые обладают неоднозначным смыслом, не связывают отвечающего строгими рамками и позволяют давать ответы в свободной форме. Отсутствие точности, однозначности при формулировке таких вопросов, «размытость» их границ позволяют аргументатору варьировать тезисы в соответствии со своими желаниями и возможностями, вовлекать в сферу аргументации новые объекты, перенося смыслы с одной логической нити на другую, полностью или частично замещая элементы одного структурного образа элементами другого. Это означает, что происходит метафоризация аргументации — процесс, без которого вряд ли возможно творчество в науке, технике, литературе и т. д. Во всяком случае, открытые вопросы предоставляют человеческой фантазии больший простор, чем закрытые.

Итак, вопрос направляет аргументационный процесс, ставит его в определенные рамки, в общем плане предопределяет содержание аргументации, придает ей смысл. Аргументация служит обоснованию положений, являющихся прямыми ответами на некоторый вопрос, с целью их понимания и (или) принятия вопрошающим. Рассмотрение вопроса и аргументации как единого комплекса открывает перспективы для создания теории, более адекватной логико-коммуникативным процессам, чем это возможно в рамках традиционных подходов.

[1] См.: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 49, 159.
[2] См.: Войшвилло Е. К., Ивлев Ю. В. // Вопросы философии: Межвуз. сб.

науч. трудов. Вып. 6—7. Ереван, 1988. С. 202.
[3] Брутян Г. А. Аргументация. Ереван, 1984. С. 9.
[4] Коллингвуд Р. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 339.
[5] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.

Т. І. ГЛУШАКОВА

БЕЛАРУСКАЕ НАЦЫЯНАЛЬНАЕ АДРАДЖЭННЕ XVI СТ. ЯК ФАКТАР КУЛЬТУРНАГА ПЛЮРАЛІЗМУ І ТАЛЕРАНТНАСЦІ

Трагедыі і тупікі сучаснай цывілізацыі падводзяць нас да неабходнасці асэнсавання праблем дыялогу і суіснавання розных культур. Менавіта канец стагоддзя можа даць сучаснаму чалавеку рэдкую магчымасць — жывучы на сутыкненні эпох, паспрабаваць утварыць нейкую адзіную культурную прастору, у якой, у складаных дыялагічных адносінах адзін з другім, феномены культуры набудуць новы сэнс, магчымасць даваць адказы на пытанні і сумненні хворага чалавецтва. Наш зварот да «пошукаў у культуры» і тыя надзеі, якія звязваюцца з гэтым шляхам, павінны пачынацца з распрацовак праблем нацыянальнай культуры ў кантэксце яе сустрэч і ўзаемадзеяння з іншымі культурамі.

Філасофскае асэнсаванне праблем кантактаў культур можна знайсці ўжо ў кнізе Быцця, дзе распавядаецца гісторыя Вавілонскай вежы [1]. Бог, пакараўшы людзей, не адказаў ім у сваёй дапамозе. Ён проста даў ім другую перспектыву. Ступіўшы на цяжкі шлях рассейвання і дыферэнцыяцыі былога культурна-моўнага адзінства, замкнуўшыся на сваёй мове і сваёй культуры, людзі павінны былі зразумець і палюбіць гэтае «сваё», убачыць у гэтым «сваім», як у люстэрку, акружаючы іх свет, саміх сябе і, нарэшце, «другіх», адметных ад іх па мове і па культуры людзей. «Галоўны ўрок біблейскай гісторыі Вавілонскай вежы патрэбна бачыць у выбары культурна-моўнага плюралізму як новага шляху чалавека, у вылучэнні ідэі ўтварэння новага адзінства (ужо не прыродна-эмпірычнага) у разнастайнасці, новага брацтва людзей. І на гэтым шляху самым галоўным стала, помнячы аб «сваім», знаючы яго і прадаўжаючы паглыбляць гэтыя веды і тварыць новыя духоўныя каштоўнасці, зразумець «другога», ацаніць яго, навучыцца жыць разам, абменьвацца «сваім» і «чужым», звязваць тое і другое арганічна і натуральна» [2]. Няцяжка зразумець, што першапачатковае сутыкненне, сустрэча дзвюх, ці болей культур і моў, заўсёды ў гісторыі чалавецтва былі вельмі непрадказальнымі і выніковымі. Больш таго, такія сустрэчы заўсёды былі праверкаю на чалавечнасць. На жаль, гісторыя ведае нямала сумных прыкладаў, калі прадстаўнікі адной культуры знішчалі носьбітаў другой, не даючы ім выказаць сваю правату, магчымасці ўглядзецца адзін у другога, устанавіць кантакт і паспрабаваць зразумець другі бок.

Парадоксаў у лёсе нашай нацыянальнай культуры было шмат. Найглыбейшы з іх заключаўся ў тым, што Беларусь адна з першых сярод іншых славянскіх народаў памкнулася да свайго нацыянальнага самавызначэння і амаль што апошняй, з вялікімі цяжкасцямі, спрабуе гэты працэс давесці да лагічнага завяршэння. У гэтай супярэчлівасці нацыянальна-культурнага лёсу нашай Беларусі ёсць багата старонак з найяскравейшымі прыкладамі натуральнага эксперыменту сустрэч двух тыпаў культур, які здзейсніўся гісторыяй і з якога вынікае шмат павучальных урокаў, не толькі дзеля саміх удзельнікаў гэтага грандыёзнага эксперыменту і іх нашчадкаў, але і дзеля ўсяго чалавецтва.

Нягледзячы на тое, што XVI ст. у жыцці краіны было вельмі складаным перыядам, у той жа час ён быў адным з найбольш цікавых і важкіх. Гэта быў той час, калі народ Беларусі актыўна і вынікова пачынае далучацца да агульнаеўрапейскага жыцця і асабліва да яго духоўнай культуры.

Сваеасаблівасць культуры эпохі Адраджэння на Беларусі была абумоўлена цэлым шэрагам фактараў. І не ў апошнюю чаргу тымі абставінамі, што беларускі рэгіён на працягу стагоддзяў падвяргаўся ўздзеянню з боку магутнейшых і, у дадатак, палярных культур: з Усходу — грэкавізантыйскаму ўплыву (ці праваслаў'ю), а з Захаду — уплыву культурна-рэлігійных фармацый, узгадаваных пад знакам каталіцызму. Насельніцтва